

Важный труд по этногенезу осетин

(о книге Л.Г. Нечаевой «Происхождение осетин по данным погребальных сооружений» (издательство «Росток», Санкт-Петербург, 2021 г.)

Осетия получила подарок, который трудно переоценить: музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН издано исследование Лидии Георгиевны Нечаевой: «Происхождение осетин по данным погребальных сооружений».

Это итог многолетних работ неутомимого ученого-археолога, отразивший поистине драматичную борьбу с нападками на нее из-за высказанной мысли о тождестве алан и осетин, основанной на скрупулезном изучении осетинских склепов и аланских катакомб.

Книгу предваряют заметки составителя, научного сотрудника отдела Востока Государственного Эрмитажа Анастасии Анатольевны Чижовой и редактора Леонида Ивановича Лаврова.

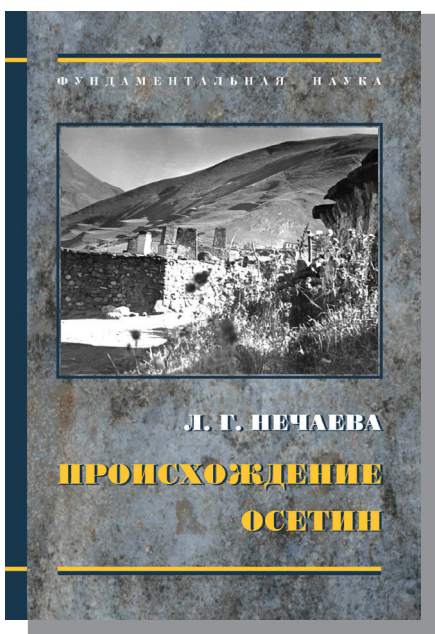
В первой части книги автор подробно рассмотрела склеповые сооружения бассейнов рек Гизельдон, Фиагдон, Ардон, Урух, т. е. Тагаурского, Куртатинского и Алагирского ущелий и Дигории, а также склеповые сооружения Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии.

Лидия Георгиевна проследила распространение склепов на Восток и на Запад от Осетии: чем дальше от Осетии, тем склепов меньше, а то и вовсе их нет, т. е. в восточной части Чечни и Дагестане, а на западе – в пределах Балкарии.

Во второй части сперва рассмотрены аланы и их соседи по данным погребальных сооружений с вопросом о времени появления алан в Северном Причерноморье. Это очень интересная часть исследования Л.Г. Нечаевой, где приводятся различные мнения о присутствии ираноязычных народов в Северном Причерноморье, откуда они пришли, когда, как сменяли друг друга и многое другое. При этом приводятся аргументации различных авторов – Ю.С. Гаглойти, В.Ф. Миллера, В.И. Абаева, Ю.А. Кулаковского, Л.С. Клейна и др. Не обошлось, конечно, и без Аммиана Марцеллина, Иосифа Флавия, Страбона, Арриана, Дионисия и множества других авторов.

Специальный раздел второй части посвящен аланским катакомбным могильникам, причем по периодам: сперва II в. до н. э. – IV в. н. э., это ранние катакомбы, затем катакомбные погребения V–VII – начала VIII вв.

Третий раздел второй части исследования – раннесредневековые склепы Северного Кавказа: подземные склепы Кабардино-Балкарии, подземные склепы Карачаево-Черкесии, склепы под Пятигорском. Отдельно рассмотрены раннесредневековые

склепы Северной Осетии у Галфандаг, Галиат и Куронта, у с. Лац. В Ингушетии – подземные склепы у с. Мужичи, Верхний Кокадой. Некоторые из этих подземных склепов частью исследователей были признаны каменными ящиками, что послужило им основанием для утверждения тезиса о том, что склепы имеют своим началом каменные ящики, что опровергается исследованием Л.Г. Нечаевой.

Третья часть книги посвящена теме происхождения осетин по данным склеповых сооружений. Оказалось, что в Северной Осетии и Ингушетии склепы содержат мумифицированные останки погребенных, а в Чечне, Балкарии и Карачае одиночные трупы зарывались в землю, а над ними строили мавзолеи, похожие на наземные склепы осетин.

Лидией Георгиевной выработана следующая многоэтапная строительная схема развития склепов: первый строительный этап – V–VIII века – подземные склепы, второй – X – начало XIII века – подземные склепы, частично выступающие на поверхность склона; третий строительный этап – XI–XV века – полуподземные склепы; четвертый этап – XVI–XVII вв. – когда полуподземные склепы строятся из крупных обломков, с фасадом и ложным сводом, и, наконец, пятый строительный этап – XVIII – начало XIX вв. – склепы выстроены в технике ложного свода, как полуподземные, так и наземные, некрупные скальные обломки скреплены раствором. Пример – Даргавский некрополь.

Исследование завершает раздел «Происхождение склеповой погребальной традиции и этногенез осетин» – самый интересный и хорошо аргументированный. Перед исследователями вставал вопрос: что подвигало к сооружению склепа? Возможно, экономия земли, ибо часто склепы устраивались на непригодных для земледелия участках. Но каменные ящики тех же времен – это то же, что и склепы – расположены на хороших участках земли, да и индивидуальные погребения мусульман тоже на хороших местах. Или почему не роют могилу для сооружения каменного ящика, а строят подземный склеп с такой же затратой энергии?

И здесь как раз возникает вопрос об использовании ложного свода в склепе в качестве якоря развития перекрытия каменного ящика. Лидия Георгиевна опровергает это положение В.А. Кузне-

цова: в каменных ящиках свод не прослеживается. Самое главное отличие каменного ящика от склепа – это форма укладки покойника в погребальное устройство: в каменный ящик труп укладывается сверху, а в склеп, как и в катакомбу, покойник вносится через лаз. Кстати, у осетин выражение «похоронить» до сего времени имеет форму «мард бавæрын», т. е. «вкладывание покойника», хотя теперь уже не вкладывают, а зарывают – «баныгæнын», но это слово считают не совсем употребительным, чем-то неудобным и заниженным, и потому, выражая свое почтительное отношение к покойнику, говорят, как сказано выше, «мард бавæрдтой», считая это некоторым образом эвфемизмом.

Интересным является и название склепа по-осетински – *зæппадз*. Иногда употребляют название «дæлгоммæ зæппадз», что по-осетински означает «склеп, повернутый лицом вниз», как бы «склеп ничком». Это о полуподземных склепах.

Слово «зæппадз» вряд ли появилось с возникновением склепов. Можно думать, что это слово обозначало сперва катакомбу. Примеры переноса старого термина на новое явление наблюдаются в осетинском языке – в дигорском диалекте слово «фат» – стрела стало обозначать пулю. А еще склеп в дигорском обозначено словом «обау», «обай», т. е. холм на могиле, курган. Другими словами, старое название надмогильного сооружения «холм, курган» перенесли на новое явление, т. е. на склеп.

Приведу еще один факт из своей практики. В 1995 году в Даргавсе на северо-западной окраине пахотного поля, там, где был обнаружен катакомбный могильник, экспедиция СОИГСИ под моим руководством зафиксировала каменную гробницу необычной формы. На поверхности видны были большие плиты, перекрывающие погребальную камеру, составленную из вертикально поставленных скальных плит. Длина камеры – 354 см, ширина – в западной части (вероятно, у изголовья) 104 см, в противоположной, восточной части – 93 см. Боковые стенки сложены из нескольких плит разной ширины – 111, 72, 139, 52 см, высота – 85–88 см. Торцовые плиты цельные: «у изголовья» – 107 x 98 см, «в ногах» – 120 x 98 см. В плите, которая стояла в восточной торцевой стенке, т. е. «в ногах», вырезано отверстие в виде прямоугольника с усложненной верхней частью. Ширина отверстия 54 см, высота 41 см. Снаружи плита с отверстием была прикрыта двумя другими плитами, а устойчивость их в вертикальном положении осуществлялась прислоненными булыжниками. Покойников, надо полагать, вносили через это отверстие. Камера была предназначена для совершения неоднократных похорон: в камере были обнаружены разрозненные и перемешанные останки не менее 7 индивидуумов. Черепов не обнаружено. Не было и вещей погребального обряда, кроме незначительного фрагмента бронзового предмета – овального колечка (серьги?). На некоторых костях были следы окислившейся бронзы. Скорее всего, это погребение было ограблено черными археологами: настоящие археологи за-

явили бы о находках. Об этом говорит и отсутствие черепов, которые нигде не проявились. Как бы то ни было, но перед нами был замечательный момент переходной формы погребения от катакомб к склепам, когда стенки камеры сложены не как в подземных склепах – из горизонтально уложенного легкого плитняка, а из больших, вертикально установленных плит. Это как бы каменный ящик, но большой. С катакомбой роднит это сооружение устроенный в торцевой стенке лаз. Но это еще не склеп. Одним словом, какой-то этап перехода катакомб к склепам. Самое интересное, что Даргавс – это и катакомбы, и склепы, и каменные гробницы, и каменные ящики, а теперь вот и это погребальное сооружение, условно названное нами «каменной гробницей».

Очень жаль, что Лидия Георгиевна ушла от нас так рано и не смогла использовать приведенные мной данные.

Продолжая говорить о книге, следует отметить, что в ней есть отзывы, в целом положительно оценивающие научные изыскания Л.Г. Нечаевой.

Первый отзыв Анны Александровны Иерусалимской, ведущего научного сотрудника Государственного Эрмитажа, был дан еще в 1991 году и предварял вторую попытку издания книги Лидии Георгиевны в 1993 году.

Вторая рецензия – Т.А. Поповой, которая, отметив высокий профессионализм Л.Г. Нечаевой, особо подчеркнула роль субстрата в формировании народов Северного Кавказа, отметив, по ее мнению, малую долю участия этого субстрата в этногенезе осетин в труде Л.Г. Нечаевой. Более развернутую рецензию дает Вера Борисовна Ковалевская – авторитет по проблемам истории и археологии алан. Она поддерживает выводы автора, но призывает к дальнейшему изучению вопроса, особенно полуподземных склепов. А в создании ранней аланской культуры Северного Кавказа, говорит она, приняли участие позднесарматские племена, пришедшие из Зауралья, и местные кобанско-скифские племена кавказских предгорий. Последнее очень интересно и, по-нашему, верно. Ибо, когда прежние исследователи говорили о смешении кобанцев с аланами, как о начале генезиса осетин, то почему-то субстрат, а это кобанцы, всегда оставался у них чем-то неизменным. Но ведь развитию и изменениям подвергался и субстрат. Поэтому аланы нашли в предгорьях и горах Центрального Кавказа давно уже, со скифо-сарматских времен, иранизированный субстрат, т. е. то, что Вера Борисовна называет кобанско-сарматским населением.

Исследование Л.Г. Нечаевой содержит новое подтверждение генетической связи алан и осетин, связи, основывающейся на исторических, этнографических, фольклорных, лингвистических, а теперь и на археологических фактах.

Р.Г. Дзаттуаты,

д. и. н., ст. н. с. ЮОНИИ им. З.Н. Ванеева, заслуженный деятель науки РСО-А и РЮО.